УДК 332.156

Рахаев Х.М.[1]
Гятов А.В.[2]

АГРОГОРОДА КАК АКТОРЫ ГАРМОНИЗИРУЮЩИЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ УРБАНИЗИРОВАННЫХ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация: Возникшие еще в неолите противоречия между ремеслами и сельским хозяйством в индустриальный период усилились, трансформировавшись в постиндустриальном обществе в противоречия города (урбанизации) и деревни (традиционного общества). В последнее время эти противоречия расширяются и принимают угрожающий характер, что для одного, что для другого института. В рамках существующей индустриальной парадигмы, очевидно, что разрешение его невозможно. Для стран, имеющих огромные неоднородные территории и небольшую численность населения (таких как России, в первую очередь, а также Канада и крупные латиноамериканские государства) данное противоречие несет большие проблемы не только социального и экономического характера, но и экологического. Необходима новая парадигма сосуществования различных типов хозяйствования, способная гармонизировать территориальное развитие, хозяйственные, культурные отношения между городом и деревней. По-видимому, в новой социально-хозяйственной парадигме может быть учтен биосферный принцип. Что касается конкретики, то ее могли бы представлять агрогорода как особые территориально-хозяйственные, социально-культурные институты современных обществ.

Ключевые слова: территориальное развитие, сельское хозяйство, сельские территории, города-мегаполисы, государство, агрогорода

Rakhaev Kh.
Gjatov A.

AGRO-TOWNS AS ACTORS HARMONIZING RELATIONSHIP OF URBANIZED AND RURAL AREAS

Abstract. Encountered even in the Neolithic contradictions between crafts and agriculture in industrial period intensified, transformed in postindustrial society in contradiction of the city (urbanization) and village (traditional society). Lately these tensions are growing and taking threatening that one for another. Within the existing industrial paradigm, it is obvious that it is impossible to resolve. For countries having huge heterogeneous territory and small population (such as in Russia in the first place, as well as Canada and major Latin American States) this contradiction carries great challenges not only of social and economic considerations, but also ecological. There is a need of a new paradigm of coexistence of various types of farming, the essence of which is the harmonization of national and regional development, economic and cultural relations between urban and rural areas. It is necessary to take into account biosphere principle in a new social and economic paradigm. It could be represented by agro-towns as special territorial and economic, social and cultural institutions of the contemporary societies.

Keywords: spatial development, agriculture, rural areas, cities, state, agro-towns

[1] *Рахаев Хадис Магомедович*, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова», г. Нальчик, e-mail: r3bizengin@mail.ru, тел. 8-866-724856

Khadis Rakhaev, Doctor of Economics, Professor, Department of Public and Municipal Administration, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, Nalchik, e-mail: r3bizengin@mail.ru, t. 8-866-724856

[2] *Гятов Анзор Вячеславович*, кандидат экономических наук, доцент, зам. директора Института Управления КЮГАУ им. В.М. Кокова, e-mail: a2jatov@yandex.ru, тел. 89280830400

Anzor Gjatov, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Management named after V.M. Kokov, Nalchik, e-mail: a2jatov@yandex.ru, t. 89280830400

Среди современных проблем в российской экономике и обществе наименее активно обсуждается противоречие между городом и деревней. Они как то отошли на второй план по сравнению с повышением темпов роста национального хозяйства, реализацией технического и технологического прогресса, демографией, экологией и многими другими. Однако на поверку оказывается, что именно оно (противоречие между городом и селом) становится своеобразной точкой пересечения упомянутых выше и др. проблем и решение последних возможно при решении данного основного противоречия современного российского общества.

Актуальность данной задачи в настоящее время связана с уже упомянутыми задачами поиска источников роста, улучшения демографии, экологии и т.д. Дело в том, что, как и ранее, основным ресурсом в условиях санкций и внешней изоляции России, связанной с самой тривиальной конкурентной борьбой, выступают сельские территории и в целом сельская экономика, село, малые и средние города. Правда, в настоящее время село утрачивает многие традиционные статусные признаки. Оно уже не выступает основным поставщиком рабочих рук, продуктов питания, сырья, материалов, пространства. Демографическая ситуация в селе оказывается хуже, чем в городе или, что корректнее, в городе она лучше, чем в селе. Поэтому теперь уже не село, а город становится основным источником улучшения демографической ситуации и уже не село, а город становится источником стабилизации демографической ситуации. Причина такого положения как в том, что город за десятилетия создал социальную инфраструктуру (поликлиники, больницы, санатории, дома отдыха и проч., а также повысил уровень и качество жизни), тогда как село деградировало, в т.ч. экологически. С другой стороны, село не выступает более поставщиком рабочей силы для городов и промышленности. Сельская рабочая сила уже не может быть прямо транслирована в города, в силу того, что город (урбанизм) установил такие критерии, которые уже невозможно преодолеть напрямую сельской рабочей силе. Поэтому сельской рабочей силе необходимо либо активно переучиваться и доучиваться, либо занимать самые низшие страты на городском рынке труда. Что же касается сельской экономики, то она технически, технологически и ресурсно явно отстает от городской. Ее ресурсный, технологический и коммуникационный потенциал не может обеспечивать городскую экономику сырьем и материалами в полной мере. Поэтому сегодня промышленность, сервис, города выступают основными источниками ресурсов в сельские экономики. Теперь уже не сельское хозяйство обеспечивает город продовольствием и сырьем, а города обеспечивают селян продуктами питания, а сельское хозяйство сырьем и материалами, не говоря уже о технике и технологиях. Таким образом, можно констатировать состояние своеобразной перевернутой пирамиды.

Потенциально противоречие между городом и деревней связывают с индустриальным и архаичным, урбанизированным и традиционным обществом [1, 2]. Часто в исследованиях его упрощают, сводя то к противоречию между промышленностью и сельским хозяйством, то еще в чем-то подобном. В зависимости от рассматриваемого контекста предлагалось свое решение проблемы. В частности, когда проблему видели в противоречиях промышленности и сельского хозяйства, то разрешение находили в обмене между промышленностью и сельским хозяйством, т.е. в том, чтобы передавать из промышленности в сельское хозяйство ресурсы развития. Село как бы дополнялось городом. Правда, не непосредственно, а за счет так называемых второстепенных факторов и условий. Город подчинял село, путем передачи своих технологий, формируя, таким образом, своеобразный «социальный вассалитет». Одним из направлений этих отношений стала индустриализация сельского хозяйства. В СССР этот путь наметился еще в 20-е годы и активно его стали реализовывать в 30-е. Для этой цели провели целый ряд институциональных преобразований. В частности, когда поняли, что индустриализировать село можно через крупные сельскохозяйственные предприятия и организации, взяли курс на сплошную коллективизацию. В результате в сельском хозяйстве были созданы колхозы и совхозы. Однако, вскоре выяснилось, что у города и промышленности недостаточно ресурсов для такой модели развития отношений с

селом и колхозами. Тогда были созданы МТС как специфический институт между сельскими колхозами и урбанизированной промышленностью. Во второй половине 50-х годов прошлого столетия возвращаются к первой модели – индустриальному сельскому хозяйству. МТС распускаются, их техника продается колхозам. Колхозы становятся своеобразными индустриализированными сельскохозяйственными предприятиями. В данном контексте происходят также и другие преобразования в сельском хозяйстве и на селе. В результате сельское хозяйство действительно получило сильный импульс к развитию. Однако города и промышленность не стояла на месте. Противоречие не разрешилось, но на какой-то момент было снято. Дело в том, что на место так называемых производственных проблем встали бытовые и культурные. Последние активизировали миграцию рабочих рук и населения из сел и деревень в города, порождая дефицит рабочей силы в сельской экономике. Казалось бы, это был хороший повод (и причина) для индустриализации и модернизации сельской экономики. Такие попытки были. Причем периодичность их составляет примерно от 10 до 15 лет. Однако результат этих мероприятий подтверждал правило догоняющего развития: индустриальный мир (город) делал шаг вперед, индустриализируемому селу требовалось делать несколько шагов, чтобы не отставать.

По-видимому, определенное решение проблемы можно было достичь через использование рыночной модели и перевод к модели «самоуправляющих территорий». Такую практику демонстрировали европейские и североамериканские государства. Во второй половине 50-х годов и у нас в СССР была предпринята попытка пересмотреть традиционную модель развития сельских и городских территорий. Решение рассматривалось в контексте административных экономических районов и совнархозов. Замысел носил привлекательный, но, к сожалению, со слабым результатом проект, т.к. не подключал новый хозяйственный механизм взаимоотношений территорий между собой, ни хозяйствующих агентов внутри территорий. Известно, что проект провалился. Поражение описанного выше проекта реанимировало прежнюю распределительную (командно-административную) систему с акцентом на всесилие государства. Выбранная этатистская модель развития, которая неплохо зарекомендовала себя на начальной стадии развития, (когда уровень развития производительных сил сельской экономики и городской были не слишком значительными и в целом невысоким), постепенно с отрывом городской экономики за счет новых технологий и техники, а также снижения ресурсной базы государства, принял характер хронического отставания, которое стремились элиминировать путем периодических вливаний в сельские территории различных ресурсов. Но это делалось даже не тогда, когда противоречия принимали угрожающий характер, (для этого использовали административные репрессивные меры), а когда у государства появлялись ресурсы, за счет благоприятной внешней и внутренней конъюнктуры. Вскоре, однако, выяснилось, что такая модель взаимосвязи города и деревни, городской (индустриальной) экономики и сельской в принципе не способна разрешать противоречия между городов и деревней. В лучшем случае улучшения носят временный характер и связано последнее с конъюнктурой.

В результате обобщения исторической практики было сделано два важных заключения. Первое состояло в выявлении причины противоречия между городом и селом, которое заключалось в том, что город и село относятся к разным мирам; причем мирам, которые противостоят друг другу не только содержательно, но и формально. Исторически (что рельефно видно на так называемом начальном этапе становления городов) происходило обособление (отгораживание) городской территории от сельской [3, 4]. Формировалось как бы две территории, два пространства внутри одной страны (государства): городское и сельское. Одно представляло все прогрессивное, другое архаичное. Такое обособление оказывалось неестественным, т.е. в природе такого противостояния не было. Оно появляется исторически. Причем развивается (расширяется) искусственно и это обособление создают промышленность в городе и сельское хозяйство на селе. Принадлежа к разным технологическим процессам (одно к земле, другое к пространству) промышленность и сельское хозяйство разделили само пространство чело-

века на два мира: мир города и мир села. Так им (на начальном этапе для промышленности, а на более позднем также и для сельского хозяйства) было легче выживать, чем вступать в конкуренцию. Второе состояло в нахождении новой модели разрешения противоречия, связанное с интеграцией этих двух пространств.

Однако, одно дело правильный диагноз и даже правильная стратегия и совершенно другое практическое исполнение, реализация проекта. Дело в том, что на практике выявленное противоречие и его разрешение упрощаются, редуцируются [5]. Проект реализовался в агропромышленном комплексе (АПК). В АПК в качестве контекстуального элемента выступило сельское хозяйство. Промышленность, транспорт, сфера услуг были подчинены сельскому хозяйству, которое выступило в качестве «заказчика». На начальном этапе проект дал положительные результаты, которые выразились не только в динамике сельскохозяйственного производства, но и в повышении уровня и качества жизни на селе: повысились заработная плата, доходы, улучшились бытовые и иные условия жизни на селе. Но через какое-то время все возвратилось на круги своя. Причиной снижения эффективности и роста противоречий между городом и деревней стало то, что сельское хозяйство как «заказчик» не могло предъявлять промышленности, сфере услуг новых требований в силу того, что само оставалось традиционным.

Таким образом, исторический путь, по которому развиваются город и село, не снижает, а углубляет и расширяет противоречия. Причем последние носят так называемый рукотворный характер. Главная причина появления и расширения противоречий между городом и деревней заключается в том, что они разделены как географически, так и пространственно. Казалось бы, в этих условиях нет возможности для его разрешения, т.е., что оно будет лишь углубляться и расширяться, и бесполезно каким-то образом их разрешить. Единственное направление (своеобразный радикальный или кардинальный способ) – все становится городом или же все превращается в село; чтобы город поглотил село, и села как такового более не было. Это направление реализует себя в так называемой модели города-мегаполисы – урбанистического феномена второй половины XX столетия.

Однако, города-мегаполисы имеют определенные признаки, которые, на наш взгляд, не разрешают, а, напротив, углубляют противоречия между городом и селом. В частности, исследователи выделяют следующие признаки городов-мегаполисов: жесткий линейный характер структурирования пространства вдоль основных транспортных коммуникаций, расширение ресурсного плеча, подчинение всей территории ядру мегаполиса, иерархизация территорий по принципу «город – агломерации» [6, 7, 8, 9]. Практика показала, что с образованием городов-мегаполисов происходит опустошение территорий вокруг таких городов. За счет гравитационного эффекта города-мегаполисы вытягивают на себя ресурсы прилегающих территорий. В первую очередь рабочую силу, потребителей и тем самым оголяют все прилежащие территории, делая их если не ни жизнеспособными, то не конкурентоспособными.

Но при этом появление феномена город-мегаполис, дало сигнал к тому, что представляет собой данное направление и, что в целом оно лишь усиливает кризис мироустройства и углубляет противоречие между городом и селом, пытаясь разрешить его в контексте иерархической модели. Сельские территории и вся сельская экономика должна признать свою подчиненную роль по отношению к городу-мегаполису. Но если для мелких государств (особенно это заметно в Европе, а также Японии и некоторых др. азиатских государствах) проблема в принципе может быть решена в пользу городов-мегаполисов, то для крупных государств (России, Канады, США, Китая, Бразилии, Казахстана и др. и тем более государств-гигантов – России) результат неоднозначен. Города-мегаполисы не имеют такого объема ресурсов (даже в Китае и Индии, не говоря уже об остальных странах этой группы), чтобы суметь подчинить своему влиянию сельские территории. Огромные размеры сельских территорий будут оставаться за пределами «руки» мегаполисов и вести свое архаичное существование. (При этом возможно превращение этих территорий в своеобразные «зоны отчуждения»).

Определенную сдерживающую роль оккупации и структурированию территории горо-

дам-мегаполисам оказывает государство в силу того, что имеет иную стратегию территориального развития. Государство националистично. Оно стремится собирать территорию политически, т.к. для него территория категория в первую очередь политическая, а не экономическая. При этом, конечно же структурировать его. Но для государства территория представляет иной параметр развития, т.к. выступает одним из его атрибутов, а не хозяйственным ресурсом, как для города-мегаполиса и даже просто для города [10, 11, 12]. Государство заинтересовано в так называемом равномерном развитии территории, превращении ее в единое пространство. (На эту сторону указал Президент России В.В. Путин в своем недавнем выступлении и тем самым определил отношение государства и власти в дискуссии между сторонниками мегаполисов и однородного развития территории страны.) Государство стремится к сплошному в пределах своей юрисдикции (или даже в пределах государственных границ) освоению территории-пространства. С этой целью и создаются различные инструменты государственного управления от таможенных служб на госграницах, до налогообложения и стимулирования (путем дотаций, субсидий, субвенций) внутри территорий к развитию. Принципиальное отличие городов-мегаполисов от государства заключается в том, что для первых территория представляет собой пространство-территорию, тогда как для государства территория – есть пространство. Стратегия городов-мегаполисов предполагает четкую иерархизацию территории в пределах определенных компетенций. Каждая область пространство-территория сосредотачивает определенный производственно-хозяйственный, культурно-институциональный потенциал и ведет специализацию пространства-территории. Таким образом, пространство оказывается не только концентрированным, но также и специализированным. В результате все области пространство-территории распределяются по определенным уровням и таксонам. У государства же, напротив, все территории пространства равноправны. Они как самостоятельные хозяйственные, социальные, культурные и даже политические акторы формируют сети отношений, результатом чего становится сетевая структура пространства. Каждая такая область пространства (называема еще регион или субъект государства) является не только географической областью государства, но и областью единого экономического (социального, культурного, демографического и проч.) пространства, т.к. объединена со всеми другими областями общей национальной юрисдикцией. Конечно, области пространства-территории конкурируют между собой. Но при этом доминирующей стратегией выступает интеграция их в единое пространство.

В результате государство и города-мегаполисы формируют две расходящиеся (как считают отдельные исследователи) [13, 14] траектории мегаразвития: первая выражает локализацию (= национализацию) пространства (в границах территории), другая в глобализации пространства (через локализацию территории).

Указанные мировые тенденции оказывают неоднозначное влияние как на город, так и на деревню, т.к. осуществляют своеобразное переформатирование урбанистического и сельского пространства. Но если города (городская среда) хоть как то адаптируется к названным мегатрендам, то сельские территории испытывают очередной шок. (За историческое время они адаптировались к городу и к самому процессу урбанизации, что выразилось в занятии ими определенной ниши в пространственном развитии. Совершенно другое дело, мегаполисы, которые формируют новую метрику пространства и территории. Последние стали очередным и пока еще не преодоленным (= адаптированным) шоком со стороны сельских территорий).

Оказавшись между двух упомянутых мегатрендов сельские территории оказалось как бы на распутье [15]. Традиционно сельские территории не могут существовать без поддержки и протектората. В условиях активной урбанизации защиту и поддержку обеспечивали сами города, взявшие сельские территории под свою опеку путем создания своеобразного тандема город-село [16, 17]. Затем опеку о сельских территориях взяло на себя государство, через прямые и косвенные (например, государственная поддержка сельского хозяйства) институты. Однако, ресурсы государства не безграничны. Прагматичное же отношение государства к сельским территориям (= к сельскому хозяйству) не предполагается в повестке господдержки. Но со снижение учас-

тия государства в стимулировании сельских территорий, растет их зависимость от других акторов. Эра малых городов и городов, вокруг которых развивалось сельское хозяйство, получая от них заказ на продукцию, сырье, рабочую силу и проч., по-видимому, прошла. Малые города уже не играют никакой роли в развитии сельского хозяйства. Они сами находятся на грани вымирания и борются за свое существование, и если не изменят своей стратегии, т.е. не найдут своего места, то вымрут как самостоятельный институт.

Когда государство не может выполнять прежней роли «кормильца» сельского хозяйства и сельских территорий, тогда его место занимают его конкуренты: города-мегаполисы. Сельское хозяйство в свою очередь переключает свой спрос с государства на города-мегаполисы, которые выступают потребителями его продукции. Но они не могут выступать в роли их союзников; слишком разные «весовые категории». Сельское хозяйство и сельские территории могут выступать у мегаполисов лишь в роли «младшего брата». По-видимому, сельские территории и сельское хозяйство «возьмут с собою» в новую систему отношений также и малые и даже средние города. Малые и средние города, отдаленные от городов-мегаполисов территориально и коммуникационно, обязаны будут интегрироваться с сельским хозяйством и в таком специфическом образовании подчиниться городам-мегаполисам. В случае же, если они останутся городами в традиционном понимании (и тем более моногородами, на основании какого-либо производства), то через какое-то время просто вымрут. Их существование – сельское хозяйство и сельские территории, само борется за выживание в модели городов-мегаполисов.

Но без сельского хозяйства и сельских территорий Россия, по замечанию многих исследователей, [18, 19] утрачивает свою самобытность. Поэтому концепция мегополисов, очевидно, не подходит для России. Но если оставить систему отношений в прежней метрике: город-село, противоречие будет углубляться и расширяться и какой характер оно примет через десятилетия не очевидно. Поэтому требуется найти такой институт, который мог бы сохранить сельское хозяйство России и элиминировать базовое противоречие между сельским хозяйством и городом. Таким институтом мог бы стать агрогород. Под агрогородом разные авторы понимают разные социальные объекты. Одно из направлений в понимании агрогорода представил еще в середине нулевых В. Бледных, [20] рассматривавший агрогород как институт адаптации большой численности населения «заброшенных» деревень, расположенный вблизи государственных автомобильных и железных дорог, который мог бы «прижить» стариков, больных и немощных людей, с одной стороны, а с другой творческих, которые будут заниматься зимой кустарным производством, а летом вахтовым методом осваивать, расположенные в радиусе 30-50 км пашни в размере 150 тыс. га. Другое, уже современное, представил В. Степанов, [21] который рассматривает агрогород как территорию, связывающую воедино два пространства/две среды обитая и жизнедеятельности человека: среду проживания (жизненную среду) и среду трудовой деятельности. По сути, автор при проектировании агрогорода предлагает экстраполировать «совхозное пространство». Самостоятельное видение модели агрогорода наблюдается в Республике Беларусь, где данный институт получил не просто преимущественно научно-публицистический проект (как у нас в России), а нормативно-правовой. Его статус закреплен в Законе «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» (в редакции 17 мая 2007 года), агрогородки представляют собой специальную категорию сельских населенных пунктов. В «Государственной программе возрождения и развития села на 2005–2010 годы» агрогорода рассматриваются уже в качестве инструмента возрождения села и сельских территорий. В упомянутой госпрограмме агрогород определяется как качественно новый тип сельских посёлков. Он видится как благоустроенный населённый пункт, в котором будут созданы производственная и социальная инфраструктуры для обеспечения социальных стандартов проживающему в нём населению и жителям прилегающих территорий. В программе перечислены также и другие основные признаки социального стандарта для агрогорода.

Идея агрогородов в литературе и на прак-

тике не нова. Современная история русских агрогородов берет свое начало с великих 20-х годов прошлого столетия. Кажется, А. Чаянов первым использует данный проект, правда, обозначит его «сельхозгород»; о чем см. А. Чаянов «Путешествие моего брата Алексея в стране крестьянкой утопии». Примерно через четверть века в 1951 г. в «Правде» выйдет статья Н.С. Хрущёва «О строительстве и благоустройстве колхозов», в которой изложена идея агрогородов уже в новом формате. Основное внимание (и задачу агрогородов) Н.С. Хрущёв видел в том, чтобы дать работающим в сельском хозяйстве и проживающим в селе гражданам городские условия жизни [22]. Позже уже в «хрущевское время» принимаются попытки практической реализации проекта. В 1960 г. у станции Барыбино был организован образцово-показательный совхоз «Заря коммунизма» и началось строительство первого в Московской области агрогорода. Особенность хрущёвского проекта заключалась в том, что аграрные города создавались вместо сел и деревень, т.е. речь шла о том, чтобы не возрождать села и сельский образ жизни, а создать новый тип территориального образования. Другая особенность заключалась в том, что в проекте агрогородов речь шла о примате производства, которое должно было быть не традиционно сельским, но сельскохозяйственным на принципиально новых технологических принципах, которые создавали новые производительные силы. Агрогорода, таким образом, формировались не на месте села, путем его трансформации в агрогород, а путем проектирования агрогородов на новом месте. Агрогорода привлекали к себе в том числе и селян из близлежащих, отдаленных и даже удаленных сельских поселений. Кроме того, в них могли попадать также и горожане. В некотором роде хрущевский агрогород это … нынешние наукограды (Сколково под Москвой, Иннополис под Казанью). И в принципе в этом нет ничего удивительного. В то время это был так называемый общий тренд, когда создавались наукограды (Новосибирский Академгородок и т.д.). Тот же проект должен был, по мысли Н.С. Хрущева, сработать и в сельских территориях. Хрущёвский проект агрогородов добавлял в существующую систему территориальных образований еще одно новое и делал агрогорода полноценными субъектами системы муниципальных образований. В этом и было принципиальное отличие агрогородов того периода.

Примечательно, что «проект агрогорода» рассматривается в качестве ответа на несоответствие запросам социума современного национального сельского хозяйства, т.е. современное сельское хозяйство не удовлетворяет запросы социума как поставщик продуктов и услуг, а обустройство сельских поселений не удовлетворяет спросу населения на бытовые и иные условия проживания. Но при этом «проект агрогородов» предполагал многое в развитии деревни именно с точки зрения аграрного (традиционного), а не индустриального, урбанизированного взгляда. Суть его в том, что процессы урбанизации и индустриализации рассматриваются через призму сельсковости, а не наоборот. Такой контекст меняет систему оценок элементов и конструкций поселения. Речь идет не только о развитии производительных сил на селе, но и об развитии культуры, медицины, спорта и т.д., т.е. об создании соответствующей производственной, социальной, культурной и природной инфраструктуры поселений. Таким образом, агрогород представляет собой новый тип населенных пунктов, в которых созданы производственная, бытовая и социальная инфраструктуры, обеспечивающие высокие социальные стандарты для проживающих, т.е. «дать работающим в сельском хозяйстве городские условия жизни». Проект видел свое основное назначение в том, чтобы освободить человека (селянина) от каждодневных рутинных занятий в подсобных хозяйствах (уход за скотом, птицей, работе на своем участке и проч.) и дать ему возможность приобщиться к мировой культуре через преобразование в быту. Последнее виделось в том, чтобы приблизить сельский быт к городскому и при этом оставить среду обитания человека в сельской. Поэтому «проект агрогородов» имеет помимо сугубо экономических, бытовых и культурных, еще и экологическое значение. Он предполагает создание компактных высокопродуктивных производств, которые были бы независимы от природных и климатических условий. Это означает, например, в животноводстве развитие стойлового содержания скота, а в растениеводстве расширение тепличных хозяйств и так называемых все-

погодных и всеклиматических производств. Иными словами, речь идет, по сути, о развитии так называемых аддитивных технологий, которые оказывали бы небольшое влияние на природную среду и биоту, способствовали бы конверсии отходов производств.

В проекте агрогородов, в котором преследуется задача приближение бытовых условий сельских жителей к городским, есть новый путь трансформации внутреннего пространства сел и деревень в городские и получение, таким образом, старого института с новым содержание. Такая практика может быть использована в условиях высокой плотности территории и отсутствии так называемых «свободных земель», что характерно для территории Северного Кавказа и др. российских регионов, имеющих аналогичные территориально-пространственные условия. Такая технология, по нашему мнению, может быть использована при проектировании так называемых «инновационных аулов». Речь идет о модернизации традиционных горных сельских поселений – аулов, кишлаков и т.п. В горных территориях, в условиях малоземелья и традиционного ведения хозяйствования, а также коренизации территории (закреплении территории за конкретным этносом; на таких территориях находятся могилы предков и родовые фамильные дома и т.д.), строительство новых урбанизированных горных поселений просто невозможны. В горах нет «свободных» (непоименных) территорий. Даже нынешнее активное освоение горных территорий под известные проекты «Курорты Северного Кавказа» указывает на то, что новые инфраструктуры, связанные в основном с отдыхом и обслуживанием населения, формируются рядом с уже существующими на основе принципов модульности и платформенности. Они как бы создают новые рабочие места для коренных жителей высокогорных сельских поселений, но не изменяют общей географии их. Но эти новые объекты создаются для занятия местного населения, но не для проживания. Конечно, в результате этих дополнений меняется также и облик соседних сельских высокогорных поселений, т.к. на платформу прежнего поселения (аула, кишлака) вносятся различные модули от производственных, бытовых до экологических. Строятся новые школы, поликлиники, спортивные учреждения, детские садики и т.д., а также производственные коммуникации: теплицы, цеха по переработке сельскохозяйственного сырья, и т.д. По-видимому, в перспективе предполагается расширение возможностей таких поселений в части проживания населения. Это направление заслуживает особого внимания. Дело в том, что многие высокогорные поселения за счет активной миграции населения в 90-е и нулевые потеряли до половины (а в некоторых и на две трети) своего населения. В основном речь идет о молодежи, а значит о демографии. Демография во многих горных поселений в настоящее время негативная. Проведенные нами исследования высокогорных поселений Кабардино-Балкарии показывает отрицательный рост населения в них. Но при этом в соответствие с государственными программами строятся школы, детские садики, которые не заполнены даже наполовину. В этих условиях, когда в городах и тем более крупным с не очень благоприятной экологией, можно было создать проекты по временному проживанию детей и их родителей из городов в высокогорных поселениях, где имеются детские сады и школы. Дети из таких городов мог ли бы с двух лет и до восьми-девяти проживать в таких экологически благоприятных горных поселениях. Это позволило бы, во-первых, обеспечить в них занятость населения, во-вторых, поднять уровень образования и медицины, в-третьих, детишкам из крупных городов укреплять в горных условиях свое здоровье и иммунитет. Можно за счет таких проектов решать также много других задач. Но главное, что если горные территории получат такую внешнюю подпитку со стороны городских поселений, то смогут модернизироваться. Основным направлением модернизации могли бы стать инновационные аулы, т.е. традиционные аулы, условия проживания и деятельности в которых как для детей, так и для взрослого населения будут не хуже, чем в городах, но естественная среда обитания окажется несравненно более адекватной проживанию людей.

Таким образом, на сегодня в проекте агрогородов наметилось два направления. Одно предполагает строительство агрогородов как новых территориальных образований на новом месте с новой миссией. Такие агрогорода должны войти в существующую систему муниципальных образований в качестве нового института.

Другое направление связано с модернизацией существующих сельских населенных пунктов (сел, деревень, станиц, аулов и т.п.) с помощью новых технологий. Речь идет об инновационной составляющей в развитии сельских населенных пунктов. Они остаются в структуре сельских населенных пунктов, но при этом меняются содержательно: с точки зрения улучшения бытовых условий, коммуникаций (транспортных, производственных, культурных и проч.). По-видимому, реально будет развиваться оба направления. Причем они не будут конкурировать между собой, а представлять два направления выживания сельских территорий и сельского мира. И в этом плане агрогорода в качестве нового субъекта в системе сельских поселений будут играть роль сдерживающего фактора агрессии городов-мегаполисов. По-видимому, в перспективе агрогорода, как и др. сельские поселения, интегрируются с малыми и средними городами с тем, чтобы сохранить то пространство мира человека, против унитарного мира городов-мегаполисов. Очевидно, что в качестве ресурса на их сторону станет так же и государство. Речь идет не об уничтожении городов-мегаполисов, а о противостоянии их агрессии и оккупации ими сельского пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Пер. с фр. В 3-х т. М., 1986–1992.
2. Вебер М. История хозяйства: Город. М., 2001.
3. Вебер М. Аграрная история древнего мира. Под ред. Д. Петрушевского. М.: Канон-Пресс, 2001.
4. Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997. 478 с.
5. Гайдара Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.
6. Перцик Е.Н. География городов (геоурбанистика). М., 1991. 319 с.
7. Хореев Б.С. Проблемы городов. М., 1975.
8. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984.
9. Сассен С. Когда города значат больше, чем государства // Новое время. 2003. № 43.
10. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005.
11. Форрестер Дж. Динамика развития города. М, 1974.
12. Мерлен П. Город. Пер. с франц. М., 1977.
13. Яницкий О.Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // ОНС. 2018. № 1. С. 3–16.
14. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция города // Социологические науки и социологическая практика. 2016. № 3. С. 5–22.
15. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
16. Грицай О.В., Иоффе Г.А., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 176 с.
17. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999.
18. Вернадский В.И. Об основах аграрной политики России. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 241–151.
19. Менделеев Д.И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М.: Академия Наук СССР, 1954.
20. Бледных В.В. Будущее – за агрогородами // Сельская новь. 2007. № 8. URL: http://www.selnov.ru/sn/articles/2007/08/07/sn_razvitiesh
21. Степанов В.В. Агрогород: идея, прогноз, проект. Тамбов, 2017. 100 с.
22. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 3. М.: Политиздат, 1962.